

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Геополитика как фантом ложного сознания

Автор показывает, как идеи геополитики в России становятся фантомом ложного большого сознания, симптомом национального комплекса неполноценности. Демонстрируется, что представления об “особом пути” страны, о специфически понимаемой ее роли как “великой державы” отвлекают от решения насущных задач социального и экономического развития.

Ключевые слова: геополитика, великая держава, массовое сознание, комплекс неполноценности.

The author shows how the idea of geopolitics in Russia becomes a phantom of false consciousness, a symptom of a national inferiority complex. He demonstrates that the idea of “special path” of the country, specifically conceived for her role as a “great power” distracts from solution of pressing problems of social and economic development.

Keywords: geopolitics, great power, mass consciousness, inferiority complex.

Настоящий патриот всегда должен быть готов
защитить свою страну от своего правительства.

Эд. Элби

Государство расположилось в России как
оккупационная армия.

А. Герцен

Монстр геополитики разбужен и выпущен на волю

Расхожие суждения о России как стране парадоксов и “особого пути” обернулись для нас в XXI в. весьма печальной стороной, а в последние годы и особенно месяцы приобрели просто-таки угрожающий, злокачественный смысл. Во времена, когда ведущие страны мира, пусть с трудностями, издержками, даже попятными шагами, но определенно движутся по пути глобализации и выработки нового, адекватного ей типа общественной и политической морали, мы в политике и массовом политическом сознании скатываемся назад, в казалось бы, изжившую себя архаику прошлых столетий. Одно из проявлений этого процесса – шумное возвращение на политическую авансцену геополитического типа мышления с соответствующими ему логикой и фразеологией, легитимирующими определенные действия реальных политиков.

Сама логика этого рода, как говорится, стара как мир. Но первым идеологом геополитики как концепции принято считать Ф. Ратцеля, рассматривавшего государство как развивающийся биологический организм, которому по мере роста необходимо все больше “жизненное пространство” (*Lebensraum*). Сам же термин ввел швед Ю. Челлен, главная книга которого “*Великие державы*” вышла в 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны. Эти популярные тогда идеи, основанные на смеси географии, биологии, мальтузианской демографии развивали и другие. Среди них был даже один пастор – Ф. Науман. Итоги известны...

Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) – это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену “внутривидовой” борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений. Союзы, блоки и т.п. – лишь тактические уловки, не меняющие глубинной враждебной сути. Взгляд на соседей “через оружейный прицел” как законченная идеологема стал влиятельным во многих европейских странах на рубеже XIX–XX вв., но в предельных формах, как основа государственной политики, воплотился в нацистской Германии и СССР.

Этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества “малых” войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с “внутренними врагами”, принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика – насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Он и основанные на нем драмы, разумеется, должны изучаться и анализироваться, но как история болезни человечества, как своего рода политическая криминология. Взгляд на мир как на шахматную доску, на которой разыгрывается партия, где целые народы – лишь фигуры на доске, а люди – в лучшем случае пешки, а то и просто пылинки, есть не что иное, как апологетика преступности. Он не просто внегуманитарен, а аморален в своей основе и может привести человечество лишь к новым безднам горя, унижений, гибели.

Печальный опыт человечества мало чему учит. Новые времена лишь породили новые квазинаучные формы и слова: геοэкономику, геοкультуру, информационную геополитику... Однако глубинная конфронтационная суть геополитики не изменилась. В этом она недалеко ушла и от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX в.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Подход к международной политике как к “игре с нулевой суммой”, в которой выигрыш одного равен проигрышу другого, идеологически полностью дискредитирован. Но это, увы, не уничтожило его практическую живучесть. “Мертвый хватает живого”.

Слишком удобна вся эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг могут ощущать себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да еще и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А его немало – и в более низких коридорах власти, и в среде прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача таких “ученых приказчиков” и идеологических “портных” – облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные “политтехнологические” приемы. Дипломатия и ее научная прислуга живут в “шахматной” логике времен “холодной” войны, мировых “горячих” войн, унесших жизни минимум 60 млн человек и искалечивших жизни целых поколений, а возможно, и времен Венского конгресса. СМИ же, в буквальном смысле слова вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то и просто для “манкуртизации” людей.

Деятельность наших главных телеканалов по “освещению” украинских событий – ярчайший, почти беспрецедентный образец целенаправленного дезинформирования населения технологизированными приемами милитаристской пропаганды ненависти. К несчастью, довольно эффективной. Я согласен с мнением, что режиссеры и исполнители этой кампании тем самым вычеркнули себя из журналистской профессии. Ибо профессия журналиста, как и любая из “высоких” (определение М. Вебера) профессий, предполагает не только владение практическими профессиональными навыками и умениями. Она включает и моральный, ценностный компонент.

Возрождаются и даже “обосновываются” неоимперские химеры. Вторую жизнь получают в лучшем случае полунаучные, а зачастую и просто мифологические, поэтизированные представления о некой “исторической родине” этносов и якобы вытекающих отсюда их преимущественных правах на их “исконные” земли. Затем происходит квазиюрисдизация этнического. Старинные границы государств, которые либо давно канули в Лету, либо полностью трансформировались (или, напротив, отсутствовали границы и некоторых государств в прошлом), становятся предметом эмоциональных спекуляций и заклинаний, в ходе которых эти фантомы начинают обрастать плотью. Некие новые “справедливые” границы рисуются на картах, фигурируют в политических декларациях и речах. В итоге они интериоризируются в массовом сознании как некая мечта об утраченном. Это становится потенциальным горючим материалом, ждущим политической “искры”. И порой такая искра возникает. Так было в начале 1990-х гг. в Югославии, в конце 1990-х гг. в Косово, а в 2014 г. – на территории Украины.

На самом деле политизация фактора географического расселения того или иного этноса (неважно, в прошлом или ныне) – не просто абсурдна, но и крайне опасна. Попытки же ее практического воплощения чаще всего приводят к массовым человеческим трагедиям. Уверен, читатель сам может привести множество примеров. Да и совпадение политических государственных границ с этническими – довольно редкое исключение. “Чисто” моноэтнических государств практически не существует. В современном мире преобладает совместное, смешанное проживание разных этносов на одной территории и даже в одном городе. Разумеется, при этом возникают свои проблемы, иногда довольно серьезные. Но попытки (а порой и стремление) решить их путем перекройки государственных границ оказываются тяжелее и опаснее самих этих проблем.

В современной России жажда перекройки границ соединилась с ностальгией по утраченной якобы “великой стране” и, к несчастью, нашла благодатную почву в общественном сознании¹. Простая мысль, что *внешняя политика должна лишь обслуживать главную – внутреннюю политику, поскольку именно последняя напрямую связана с интересами граждан страны*, а не отражать некие химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиков и их присных, пока не очень воспринимается широкими слоями населения. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая “челядь”, а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании величия придворных геополитиков.

Почему геополитика нашла отклик в сознании россиян

Сегодня наш мир вступил в период кардинальных, многофакторных и во многом непредсказуемых перемен, скорость которых возрастает. Наступил “конец знакомого мира”. В частности, происходит *десакрализация государства* как якобы носителя неких “высших”, надындивидуальных, приоритетных по отношению к интересам обычных граждан целей и задач. Государство стремятся ограничить, поставить на

¹ См., в частности, [Урнов, 2014], где показана ложность великодержавной парадигмы будущего России. Такие представления, по мнению М. Урнова, толкают представления о перспективах страны в виртуальный мир и не дают оценить ее ресурсный потенциал и связанные с ним реальные перспективы.

служебное по отношению к людям место, а праву придать роль главного инструмента цивилизованного разрешения конфликтов. Идут поиски и попытки создания его новой модели. Это особая тема. Меня она интересует сейчас лишь с точки зрения проявляемого столь драматичным образом сопротивления этой мировой тенденции в сегодняшней России.

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось еще недавно. И, что для многих стало совсем уж неожиданным, не сработал “принцип Моисея”, 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдет в силу новое поколение, не знавшее рабства. Популярными еще совсем недавно разговоры о “поколенческом” факторе, о том, что смена поколений автоматически поменяет ориентации и идеалы, преобладающие в массовом сознании, потеряли сегодня какую-либо убедительность. Молодые люди, не заставшие советского режима со всеми его атрибутами, оказались очень уязвимы для лишь слегка заново подкрашенных идей “сильной руки” и национализма. При этом в последнее время болезнь перешла в злокачественную стадию милитаристских восторгов и шовинизма. Разумеется, большую, а по мнению многих – решающую, роль в этом сыграло перманентное и беспрецедентное по интенсивности инфицирование массового сознания главными телевизионными каналами. Но констатация этого неоспоримого факта не дает ответа на вопрос о причинах отсутствия иммунитета к хотя и шумной, но достаточно примитивной пропаганде.

Один из симптомов болезни – мистическое одушевление государства, на котором держится государственническая мифология, с его “особой ролью” в российской истории. Хотя, как известно, эта “особость” российского государства состояла в его избыточности и античеловечности, в подавлении человека, в вытравливании у него инстинкта свободы и способности к самоорганизации, в систематическом унижении человеческого достоинства. Как писал В.Ключевский “государство пухло, народ хирел” [Ключевский, 1958, с. 12]. Взамен происходило и происходит целенаправленное нагнетание имперской идеологии с сопутствующими рассуждениями о “российской исключительности”, “всемирной миссии” и т.п. При этом расчетливо и цинично эксплуатируются нормальные патриотические чувства людей, шулерски подменяемые идеями “государственного величия”, якобы “естественных” внешнеполитических интересов и целей, мифологемой “русского мира” и т.п.

Сегодня на юго-востоке Украины мы можем видеть, как патриотизм становится психологическим прибежищем для людей маловменяемых, живущих в плену разного рода хищников. Среди них присутствуют разные социально-психологические типы: и идеалисты-романтики, и криминальные элементы, и просто любители пострелять и повоевать (иногда таких называют “псы войны”), и даже люди с садистским и некрофильским типами сознания. К этому прибавляются фантомные боли так называемого “постимперского синдрома”. (Мы, впрочем, в этом не уникальны, в слабой форме подобное после распада Британской империи пережила Англия, а в форме более тяжелой, в виде аншлюса со всеми последствиями – Австрия после краха империи Габсбургов.) Но это слабое утешение.

Наше общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин этого – *комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен*. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности испокон веку господствовавшей системы общественных отношений, с другой – ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведенному укладу жизни, пусть далекому от совершенства, но единственно привычному и, следовательно, как личная угроза. Причем перемен бояться и многие из тех, кто, казалось бы, могут от них только выиграть. Но риск и состоятельность пугают. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но

зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев – лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлекательна.

В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал еще Н. Карамзин: “Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится” [Карамзин, 1991, с. 114]. На таком причудливом фундаменте, сложенном из неудовлетворенности своей жизнью и боязни эту плохую, но привычную жизнь изменить, и зиждется комплекс неполноценности. Он проявляется в стремлении хоть как-то, пусть иллюзорно, преодолеть подсознательно ощущаемое указанное противоречие, не меняя ничего по существу. Для этого есть два пути.

Первый – агрессивное наступательное самоутверждение, подлинная цель которого – скрыть внутреннюю неуверенность и раздвоенность. Его конкретные проявления – мифологическое приукрашивание своей жизни и достижений страны в советские и даже в царские времена, а то и прямое мифотворчество на сей счет. Тот, кто остается рабом в душе своей, будет яростно сопротивляться попыткам вывести его из рабского состояния и будет мешать другим выбраться из него, отстаивая своего рода моральное право на собственное рабство. Реальный идеал людей с подобным типом сознания передает старая “бесовская” формула Петра Верховенского: “Все рабы и в рабстве равны”. Тоска по советским временам, глубоко антиличностные клише сознания типа “заберите вашу свободу и верните нашу дешевую колбасу” – очевидные симптомы данного комплекса.

Сегодня российский национальный комплекс неполноценности нашел мишень в Украине, граждане которой проявили героическое стремление вырваться из порочного круга “постсоветскости” и по многим параметрам преуспевают в этом, несмотря и на собственные вериги ментальности, и на сброшенный на них с циничным расчетом груз консервативного синдрома “братского” народа, и на тяжелейшую экономическую ситуацию. Причем проявляется он в самых мерзких и уродливых формах. И, разумеется, он оживил извечные образы “врагов” – Америку и вообще Запад.

Путь второй – муссирование славянофильской идеи уникальности духовного строя и предназначения русского народа, который, дескать, переделка на западный лад, погоня за материальными благами и политическими правами неизбежно разрушат. На первый взгляд, он отличается от первого варианта преобладанием мирного, романтически-патриархального настроения. Но при обстоятельствах, подобных нынешним, различия уходят на задний план, и он быстро обретает черты первого, агрессивного-хващливого пути (подробнее см. [Оболонский, 2002, с. 388–414]).

Причины устойчивости этого комплекса, пути и шансы его преодоления – тема отдельная и очень серьезная. Думается, ее прежде всего надо обсуждать в категориях **глубокой ценностной деформации и деградации** отечественного общественного сознания. Здесь же ограничусь одним моментом, которому, впрочем, некоторые ученые придают статус “главного парадокса эволюции”. Имеется в виду нарастающий разрыв между “когортой” продвинутых, широко рефлексирующих людей и всеми остальными. Так, Е. Балацкий выделяет ситуацию, при которой “система, то есть некая целостность (общество) поступательно развивается и усложняется (умнеет), в то время как существенная часть ее (индивидуумы) деградируют и упрощаются (глупеют). Автор даже выдвигает звучащую весьма алармистски гипотезу о “тенденции интеллектуальной деградации современного человека” [Балацкий, 2013, с. 139]. Не вдаваясь в полемику вокруг этого, безусловно, заслуживающего ее взгляда, скажу лишь, что к нынешней ситуации пугающей эффективности примитивных геополитических агиток и страшилок, изготовление которых поставлено на поток нашим телевидением, он имеет прямое отношение.

Вообще причины поразившего массовое сознание россиян “крымнашизма” и его последующих проявлений с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций *homo sapiens*. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов, как “стокгольмский синдром”, “виктимизация”, демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным

“врагам”, романтизм вседозволенности (вспоминается фраза песни из классического мультфильма советских времен – “романтики с большой дороги”), “банальность зла” (по Х. Арндт). Но эта отдельная, и очень важная, тема заслуживает специального обсуждения.

“Особый путь” в никуда

Миф “особого пути” – извечная российская консервативная утопия. Он напрямую связан с геополитикой и за последнее десятилетие занял непомерно большое место как в массовом, так и в “просвещенном” сознании наших соотечественников. Одни – условно назовем их “патриотами” – его лелеют и пестуют. Другие – опять же условные “западники” – относятся к нему как к несчастью или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им выпало жить. Но и те, и другие *трактуют его как нечто фатальное, как якобы нашу непреодолимую судьбу* в духе греческих трагедий.

Просвещенные “патриоты” оказываются не только активными “пользователями” мифа “особости”. Многие из них – его редакторы и даже конструкторы. Ведь “концепция суверенной демократии” имеет отнюдь не народное происхождение, она зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологемам “ресурсного государства” и административного ресурса, рассматриваемым не как преступное отклонение от выстраданных цивилизацией стандартов, а как якобы неотъемлемый элемент российской специфики.

Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями административного ресурса и потребителями государственных услуг. Их ведь тоже ввел в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбывную специфику отнюдь не народ, а прикормленные “ученые приказчики”. Вся их “идеология” состоит в том, чтобы удачно склеить еще существующие, но отнюдь не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания и исходящий “сверху” заказ. Впрочем, с теми “профессионалами-особистами”, которые впрямую кормятся от мифа “особости”, все более или менее понятно. Деятельность их представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего в плане социальной (а, может, и не только) ответственности подобных интеллектуалов-мифологизаторов.

Гораздо больше требует осмысления другое – по меньшей мере двойной, на мой взгляд, негативный эффект мифа особости. Во-первых, он, как любая легитимация фатальности, оказывает на людей деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них инициативность, желание добиваться перемен к лучшему. Во-вторых, он служит лукавым самооправданием по модели “ничего нельзя сделать, все предопределено”, а на самом деле – формой пассивной адаптации, способом “выживания” в якобы раз и навсегда заданных и непреодолимых условиях.

Сама по себе идеологема “особого пути” – не оригинальна. В каком-то смысле каждая страна идет по своему особому пути, что отнюдь не предполагает глубинных цивилизационных различий. Но, превращаясь в инструмент политиканской эксплуатации и манипуляции, она может привести к катастрофе. Известно, куда завел Германию Zonderweg². Известны и другие его варианты. Например, в странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью такие клише, как “аргентинская державность”, “особая чилийская духовность”, “перуанский народ-богоносец”, “уругвайская всечеловечность”. Разумеется, каждое из этих клише – в “своей” стране. Пожалуй, впору оговориться, что за возможные читательские аллюзии автор ответственности не несет!

В основе концепции особой российской цивилизации, полагаю, лежат цели, далекие от декларируемой “подлинной духовности”, а весьма приземленные практические интересы определенной группы лиц. Убедительно, по-моему, показал это Э. Паин в

² Это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма и было очень популярно в первой половине XX в. Но ныне оно полностью вышло из “моды” вместе с осознанием того, куда этот “особый путь” их завел.

книге “Распутица” (особенно в главе 2 «Особый путь” России: объяснения с позиций исторического фатализма»). Противопоставив объективное научное знание мифологии культурной предопределенности, он приходит к выводу, что “концепция “особой цивилизации”, обуславливающая и “особый путь”, и “особую демократию” России, – весьма распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов”. Это есть не что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определенных групп, а ее навязывание имеет простую и прозаичную цель – исторически “освятить” сложившийся в 2000-е гг. политический режим с его “вертикалями” и патернализмом [Паин, 2009, с. 201]. А уж плоды западной цивилизации вовсю используются именно самыми громкими и скандальными антизападниками. Вспомним, где приобретают собственность, отдыхают, лечатся, учат детей члены нашей псевдоэлиты.

На мой взгляд, приписывание массовому сознанию россиян некоей тотальной, непреодолимой подчиненности химере “особого пути” равносильно *тезису о нашей национальной неполноценности*. И даже самое критическое видение всех трагедий и несуразностей нашей истории и современности не дает оснований для подобного заключения.

У России нет “цивилизационного запрета” на переход от авторитарного к правовому режиму, тем более, что в нашем обществе, наряду с подданническим менталитетом, с давних пор существовала и существует альтернативная, персонцентристская контркультура, а “вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции гражданского общества... ее защитница и нравственный гарант” [Паин, 2009, с. 201]. И наш действительно особый путь состоит в задаче вырваться из порочного исторического круга, ориентируясь не на воспроизводство все тех же архаичных моделей взаимодействия народа и властей предрержащих. Они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Из-за них Россия трагически проиграла XX столетие. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле – ретроградства, имеющего мало общего с консерватизмом подлинным. В нынешний век они просто разрушительны, грозя стране и ее гражданам сначала коллапсом, а затем и окончательной катастрофой.

До сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. И история, и свежайший пример соседней (совсем еще недавно братской) страны показывают, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей “элиты”, а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан, в подлинном, а не в казенно шовинистском смысле поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство, может стать решающим фактором, который определит дальнейшую траекторию развития³. Если же мы по-прежнему будем упиваться нашей “уникальностью” или сокрушаться из-за нее (в данном случае модус несуществен), то перспективы наши печальны. Мы уже много раз упускали свой шанс и исчерпали лимит на ошибки.

К тому же я разделяю взгляд, что “история – это не судьба и что порочный круг может быть разорван” [Заостровцев, 2014, с. 40], а многое зависит от исторических случайностей и субъективных факторов. Притом, как подчеркивают Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, возможно не только поступательное, но и попятное движение. Да нам и самим несложно вспомнить примеры торжества реакции как в европейской, так и в собственной истории. Конечно, такие отступления не фатальны. Но жизнь конкретных поколений или, как минимум, ее часть исковеркать очень даже могут. Будущее, даже ближайшее, всегда альтернативно. И тут многое зависит от нас самих. Еще в XVII в. немецкий поэт П. Флеминг писал: “Подчас о времени мы рассуждаем с вами. Но время это – мы! Никто иной. Мы сами.” А для века нашего это вдвойне истинно (http://lit.peoples.ru/poetry/paul_fleming/poem_2699.shtml).

³ См. об этом, в частности, [Плискевич, 2013^a; 2013^b].

Завершить хочется большой цитатой из К. Поппера, считавшего глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Однако это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый “утраченный рай” тоталитаризма невозможно. “Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество” [Поппер, 1992, с. 248].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е.В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2.

Заостровцев А.П. История по Асеомглу–Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.

Ключевский В.О. Курс русской истории. В 8 т. Т. 3. М., 1958.

Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002.

Паин Э.А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М., 2009.

Плискевич Н.М. Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // *Общественные науки и современность*. 2013^a. № 5.

Плискевич Н.М. Возможности трансформации в России и концепция Норта–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // *Общественные науки и современность*. 2013^b. № 6.

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992.

Урнов М.Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // *Общественные науки и современность*. 2014 № 4, 5.

© А. Оболонский, 2015